

— О, простите меня... А я даю крѣкъ, чтобы только встрѣтиться съ вами. Знаю, дерзость, но не могу. Мнѣ надо видѣть васъ.

Въ немъ было соединеніе наглости и застѣнчивости; и черные глаза его такъ блестяли, что хотѣлось посмотрѣть въ эти блестящіе самоувѣренныя глаза. Раиса посмотрѣла, и краска разлилась по ея удлинненному, въ послѣднее время слегка поблѣднѣвшему личику.

Она медленно ступала бархатными сапожками по рыхлому снѣгу и молча глядѣла теперь вдаль, въ туманъ, думая о томъ, что Оедѣ не слѣдуетъ говорить про его прелестнаго Васю, но что лучше всего отбѣлаться отъ этого нахала упорнымъ молчаніемъ.

Она не выдержала и пол-минуты молчанія и сказала:

— Вамъ, кажется, направо?

— Да, мнѣ направо. Что-жь, я сейчасъ... Мнѣ нужно немного взглянуть на васъ и пожать вамъ руку... До завтра!

Онъ, смѣясь, протянулъ ей руку; она хотѣла не замѣтить его руки, но невольно подала ему руку, слышала сквозь лайку, какъ горяча у него рука, и когда онъ удалился, она сердито сказала себѣ:

— Я не понимаю Оеди!

Взглянуть черезъ нѣкоторое время на свои часы, она ускорила шагъ. Ей хотѣлось зайти къ Жюли, она обѣщала быть у нея въ часъ, чтобы вмѣстѣ поѣхать въ монастырь къ схимнику Евѳимію, по секрету отъ Оедора Игнатыча.

Жюли сидѣла въ своей комнатѣ и читала критику на „философію безсознательнаго“. На Жюли была красная шаль; черныя косы ея красиво были сложены на затылкѣ.

„Ну, право же она хорошенькая!“ подумала Раиса, цѣлуя Жюли съ умиленіемъ.

— Какая вы милочка, съ какимъ восторгомъ я васъ встрѣчаю! Вы мнѣ нравитесь ужасно! — проговорила дочь генерала Платонова на своемъ косноязычномъ нарѣчьи. — А я читаю Гартмана. Онъ большой умъ. Я подавлена. Но я не знаю, кому вѣрить: ему или критику.

Раиса взяла въ руки нѣмецкую книжку, прочитала заглавіе и, внутренно удивляясь учености Жюли, положила обратно на столикъ.

— Etes-vous prête, ma chère Julie?.. Пора! — озабоченно проговорила она, садясь на диванъ, на которомъ лежало нѣсколько гарусныхъ подушекъ, очевидно работы Жюли.